

НАРОДНЫЕ НАЗВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ, I

(На материале русского языка)

Выбор для анализа лексико-семантической группы названий болезней обусловлен целым рядом ее особенностей. Эта группа очень компактна и потому легко доступна для наблюдения, сопредельные с ней области (наименования частей тела и описания состояния человека) также легко поддаются ограничению. Вся совокупность входящих в эту группу лексем очень самобытна, проникновение иноязычного элемента относится главным образом к XIX—XX вв., когда усиливается давление интернационализмов, и тем не менее рассматриваемая лексика оказывает большое сопротивление: в современном медицинском обиходе сохраняется значительное количество исконных образований (*корь, оспа, ветрянка, рак, кила, грыжа* и пр.). Структура наименований болезней очень устойчива и глубоко архаична. Устанавливаются связи с древнейшей демонологической сферой.

Архаичен сам контекст описания больным своего состояния. Он распадается на несколько синтаксических структур. Личные конструкции, где в качестве подлежащего выступают наименования частей и органов тела: *зуб ноет, горло болит* и т. д. Часть тела воспринимается не только какместилище болезни, но иногда и как причина смерти, что находит отражение в семантике слова. Ср.: *От груди умер* (Тургенев, История лейтенанта Ергунова); *У као љлава балі, сѣрса балі, а пѣни бѣльшы љѣтки усе, пѣмиралы ад љѣтак*¹.

Второй тип описания — безличные конструкции: *ноги ломит, в боку колет, сердце колет, в ухе стреляет, в висках стучит, поясницу разломило, в жар кидает, в косицы тычет* (Перм. обл.), *на пойла љѣнить*², *заперло спину*³ и т. д. Архаичность этого описания не подлежит сомнению. Круг глаголов очень богат, но как правило параллелен личным глаголам, обозначающим простейшие бытовые действия: *ломать, рвать, кидать, бросать, тыкать, колоть, гнать, тянуть, жать, нести, мыть, закирывать, открывать* и пр.

¹ Е. Ф. Б у д д е. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях. — ИОРЯС, т. III, кн. 3, СПб., 1898, стр. 836.

² Там же, стр. 876.

³ К у л и к о в с к и й, стр. 27.

Третья конструкция — неопределенно-личная, когда предполагается внешняя причина заболевания, чей-то злой умысел: *оббаяли, оговорили, озепали* (Яросл. г.), *опризорили, изурочили* и пр.

Наименования болезней тесно связаны с этим контекстом, они логически вытекают из него. Это или слово, совпадающее с наименованием части тела, или же в большинстве случаев отглагольное имя, соответствующее глаголу, описывающему состояние больного или внешние причины этого состояния. Ср. *грыжа, запор, перелой, понос, свороб, ураз, урок, мор, оспа, порча, корча, мыт, нароч, немочь, обморок, озев, опух, призор, прострел, скорбь, удар, утин* и мн. др.

Я ограничиваюсь материалом русского языка, потому что он достаточно обширен и нуждается в подробном описании, хотя привлечение и сравнение всего славянского материала, несомненно, могло бы дать более интересные и с точки зрения реконструкции древнейшего состояния более достоверные результаты. Но внимательное изучение материалов одного языка есть первая и необходимая ступень исследования.

Русский язык в его говорах содержит около четырехсот наименований болезней. Эти наименования могут быть подвергнуты элементарной классификации по принципу семантической близости. В этом случае в каждый синонимический ряд попадают разнородные элементы: и общерусские и узкоместные наименования, и члены одного семантического поля и перекрещивающихся полей. Тем не менее такая классификация помогает уяснить закономерности и каждого ряда, и всей лексико-семантической группы в целом.

‘Общее наименование болезни’: *боль, боля, болезнь, болѣзнь, болѣсть, болаток, хворь, хворость, хвороба, хирь, хиря, хирѣтье, хиль, хилина, хижя, хлуда, скудѣ, скорбь, скорбота, нѣмочь, немогута, недуг, недуга, недужина, нездоровье, труд*

‘эпидемия’: *мор, пѣмжа, пѣмха, пѣмха, пѣшесть, пошѣва, пошибва, пошатка, поветрие, напасть, припадок*

‘сыпь, болезни, сопровождаемые сыпью’: *оспа, воспа, вѣспица, сыпь, сыпнѣя, высыпка, осыпи, бабѣуха, бабѣужика, лапуха, лаптуха, ципуха, ветреница, ветрянка, летучий огонь, гвоздуха, гвоздюха, корь, кориха, корюха, красуха, краснуха, золотуха, черемнуха, царевница, огника, знатѣба, гостѣя*

‘повышенная температура, тиф’: *жар, жарѣ, огонь, огнева, огневица, горячка*

‘лихорадка’: *богородка, листопадка, лихоманка, лихорадка, студенка, тряса, трясовица, усма, холодуха, ходуша, мокротѣ, нѣбра, низова, оглухѣца, окоркуша, подруга, гнетучка, барыня, бедница, безбытница, безга, бельга, веснуха, ворогуша, дѣдѣуха, добруха, дрожевуха, дрожалка, знобиха, кикимора, кума, кумоха, гладѣя, давел, злобѣя, знобѣя, лашѣя, леденѣя, невел, неѣдѣя, огня, плясѣя, пухлая, резея, сухѣя, трясея*

‘различного рода припадки, истерия, эпилепсия’: *бесна, битеца, падучая, падучка, порча, портеж, родимец, родимое, родиманец, свое время, детилец, паровик, злокоманка, икота, кликушество, мереченье*

‘сумашествие, слабоумие’: *безумие, бешенец, белая горячка, шаль, дурь*

‘судороги’: *коркота, корчи, судорога, судорга, судорожь*

‘болезни, возникающие от злого умысла’: *нарок, урок, сглаз, оговор, озев, озеи, озык, призор, прикос, притка, приток, притча, приход, скорбь, порча, проказа*

‘истощение, туберкулез, малокровие’: *сухота, сухотка, чахотка, собачья старость*

‘головная боль, угар, отравление’: *чемер, обнос, шат, бахмур, обморок, дурнота, окорм*

‘паралич’: *удар, пострел, прострел, родимец, своя, дна, паралик, паралич, кондрашка*

‘общее наименование болезней всех внутренних органов, сопровождающихся болями’: *грызь, грыжа (ветрянная, напушенная, жильная, костяная, красная, мокрая, белая, мужская, женская)*

‘общее наименование болезней всех внутренних органов, наступающих в виде приступа (инфаркт, почечные колики, острый приступ ревматизма и пр.)’ *дна*

‘ревматизм, подагра’: *гостец, ломота, можжуха, костолом, скомнота*

‘расстройство желудка’: *черево, черевуха, черевунья, понос, дристуха, мыт, мытуха, мутушка*

‘болезни сердца, легких, одышка, астма’: *падушина, духовица, одушье, удушье, запышка, грудь, грудник, грудница, грудная жаба, сердечная боль*

‘радикулит, колики, прострел’: *утин, усось, усови, колотье, щипота, стрелы, прострел*

‘чесотка и другие кожные болезни’: *зуд, чесота, чесотка, почесуха, васся, нечисть, нуда, свербеж, свороб, скорбость, короста, парх, парши, шолуди, облива, воронья лапа, лих, лишай, хруны, струп, курченьга*

‘опухоль’: *опух, опухоль, пухлинка, обвал, воль, вализна, бешиха*

‘невоспалительные опухоли, наросты’: *болоно, звыль, гуз, гугля, гуля, гулька, шишка, желвак, свалок, кила, шишмола, задубье*

‘мозоль’: *мозоль, мозля, музли, болозни, нажим*

‘опухоли горла, болезни горла’: *горловица, горланка, жаба, глотка*

‘прыщ’: *балдырь, волдырь, воль, восцьи, прыщ, пузырь, чистяк, чирей, пупыш, пупырышек, угри, папка, папочка*

‘бородавка’: *бородавка*

‘нарыв и другие виды нагноений’: *веред, беред, болюток, болька, болячка, болечь, барин, нарыв, чирей, огневик, вогниж, заноготица, змеевик, волос, щупак, провал, пүздря*

‘опухоли желез, бубонная чума’: *залоза, залозка, жолды, железа, железница, железянка*

‘заболевания костей’: *костоед, костоеда, костяница, змееныш*

‘рана’: *рана, ураз, досада, сеченица, порез, язва*

‘язва’: *язва*

‘ячмень’: *ячмень, жичина, песьяк, сосок, сучий сучок*

‘кашель’: *кашель, кашлюха, хрепота, хрипуша*

‘насморк’: *насморк, насморка, насома, надуха*

‘конъюнктивит’: *паха, подбой, пячига*

‘надорванность’: *пуп, кила, грыжа, надмога, пересада, подорвание*

‘вывих’: *вывих, вышиб, исплек*

‘рожа’: *белиха, бешиха, рожа, камчуг*

‘геморрой’: *почечуй*

‘водянка’: *отек, оток, водянка, водный труд* и мн. др. наименования болезней.

Даже беглый взгляд на простой перечень наименований позволяет увидеть исключительное богатство и подробный характер описания всех внешних повреждений и заболеваний кожи, тогда как все внутренние болезни описываются очень общо и неопределенно.

Не имея возможности подробно останавливаться на всех названиях болезней, я позволю себе обратить внимание на три синонимичных ряда и некоторые отдельные образования.

1. ‘общее наименование болезни’: *боль, боля, болезнь, болезня, болесть, болюток, хворь, хворость, хвороба, хирь, хиря, хиретье, хиль, хилина, хижя, хлуда, скуда, скорбь, немочь, немогута, недуг, недуга, недужина, нездоровье, труд*

Структурная характеристика этих имен довольно однообразна, непосредственная производность от глагола наблюдается в большинстве случаев: *болётъ* → *болезнь*, *болесть*; *хворать*, *хворётъ* → *хворь*, *хвороба*; *хирётъ* → *хирь*; *хилеть* → *хиль*; *скудать* → *скуда*; *скорбетъ* → *скорбь*. Число формальных показателей невелико: смягчение конечного согласного основы (суффикс *-jъ*): *хворь*, *хирь*, *хиль*, *скорбь*; суффикс *-еть|-ость*: *болесть*, *хворость*; суффикс *-оба*: *хвороба*; суффикс *-ота*: *скорбота*; суффикс *-езнь*: *болезнь*; довольно часто повторяется «пустой суффикс» *-ина*: *хилина*, *недужина*. Типично наличие парадигматических вариантов наименования: *боль/боля*, *болезнь/болезня*, *хирь/хиря*, *недуг/недуга*.

С точки зрения семантики можно наметить несколько моделей.

‘болеть, слабеть’ → ‘болезнь’: *боль, боля, болюток, болезнь, болесть, хворь, хворость, хвороба, хирь, хиря, хиретье, хиль, хилина*

Представляют интерес наименования, построенные по принципу контраста: ‘сила’ → ‘отсутствие силы, болезнь’: *здоровье*—

нездоровье, мочь—немочь, могла—немогла, *дуг 'сила' (ср. дужий, дюжий)—недуг.

Модель 'тяжелая работа' → 'страдание, болезнь' представлена только одним образованием *труд* (ср. аналогичное *страда—страдать*).

Наименования, построенные по другим моделям, единичны; 'бедность' → 'болезнь': *скуда* (ср. выражение *скудаться здоровьем*); 'тоска, страдание' → 'болезнь': *скорбь, скорбота*; 'плохая погода, слякоть' → 'болезнь': *хижа*.

Требует некоторых комментариев слово *труд*. Большинство русских говоров, как северных, так и южных, знает слово *труд* в значении 'тяжелая, продолжительная болезнь', *трудиться* 'тяжело, мучительно болеть, находиться в агонии'⁴. Значение 'работа' или отсутствует вообще, или же периферийно.

Ареалы рассмотренных образований существенно различаются. Общеславянскими (и праславянскими) следует признать три лексемы: **boľь*, **bolestь* и **nemogťь*. Ср. русск. диал. и просторечн. *болесть*, укр. *болість*, польск. *boleść*, чеш. *bolest*, болг. *болест*, с.-хорв. *бѣлест*, словен. *bolést*; русск. *боль*, укр. *біль*, ст.-слав. *болѣ* *болѣвѣа*, с.-хорв. *бѣл*, словен. *ból*, польск. *ból*, чеш. *bol*; русск. *немочь*, укр. *немічь*, блр. *немочь*, польск. *netos*, чеш. *netos*, с.-хорв. *нѣмѣћ*, болг. *немоуц*.

Остальные слова имеют более ограниченный ареал, часть из них, несомненно, относится к праславянским диалектным образованиям. Таково слово **bolěznь*, архаичное по своей структуре, содержащее редкий суффикс *-znь* и представленное только в восточнославянских и южнославянских языках: русск. *болезнь*, укр. *болезність*, ст.-слав. *болѣзнѣ*, болг. диал. *болѣзен*, словен. *bolēzen*. Отмечено во всех группах славянских языков, но с ограничениями, слово **nedugъ*: русск. *недуг*, укр. *недуга*, ст.-слав. *недѣгѣ*, болг. диал. *nedug*, *neduga*, чеш. *nieduch*. Характерно только для восточной и западной групп слово **xvoroba*: русск. *хвороба*, укр. *хвороба*, *хороба*, польск. *choroba*, чеш. *choroba*.

Того же корня в украинском еще *хворá* и *хворота* и общее с русским *хворість*. Русск. *хирь*, *хиря*, *хиретье* соответствуют украинским *хіря*, *хирячка* 'болезнь'.

Только в русских говорах отмечены *хиль*, *хилина*, *хижа*, *хлуда*, *скорбота*.

II. Названия повальных эпидемических болезней не очень многочисленны: *мор*, *памжа*, *памха*, *помах*, *пошесть*, *пошава*, *пошова*, *пошатка*, *поветрие*, *напасть*, *припадок*.

С точки зрения внутренних семантических связей с производным словом они делятся на три группы.

⁴ волог. Даль² IV, стр. 437; волог., пск., Опыт, стр. 233; яросл. Мельниченко, стр. 202; тул., калуж. Е. Ф. Будде. Указ. соч., стр. 892.

‘уничтожать’ → ‘уничтожение, гибельная болезнь’. К этой группе относится наиболее употребительное для обозначения эпидемий слово *мор*.

‘движение’ → ‘эпидемия’. К этой модели принадлежат слова, отражающие признак быстрого движения, распространения: *пошава, пошова, пошесть, пошатка* и *поветрие*. Первые два варианта образованы от глагола *шевать, шавать* ‘двигаться, красться’ (ср. того же корня литер. *шевелить*), от глагола *шатать, пошатать* образовано слово *пошатка* (ср. *шататься* ‘бродить без дела’), от старой основы **šьd-* образовано слово *пбшесть* (ср. др.-русск. *пошествие* ‘движение, стремление’). Непосредственно примыкает к этой модели и слово *поветрие*. Ветер, как движение воздуха, по поверью, может приносить и заболевания: ср. *с ветру, болезнь с ветру, ветряк* ‘занесение болезни’⁵.

Третья модель ‘болезнь растений, вредная роса’ → ‘беда, несчастье’ → ‘болезнь’. Таковы названия *памжа, памха, помха, напасть*.

Мха или *падь* — это, по словам Даля, «медвяная роса, липкий солощид сок, коим иногда покрывается больной хлеб в росте», отсюда *пáмха, пómха* ‘беда, несчастье, зло’: «Ржа и *мха* напали на хлеб»⁶.

С точки зрения словообразования любопытен широко представленный в этой группе древний префикс *по-* с довольно расплывчатым значением начала движения (*пошава, пошова, помха, пошатка, пошесть, поветрие*).

Интересна и география этих слов. Слова *мор* и *поветрие* являются общерусскими и литературными, они представлены и в большинстве других славянских языков. Ср. **morъ*: русск. *мор*, укр. *мір*, блр. *мор*, в.-луж. *тбр*, чеш. *mor*, стар.-слав. *моръ*, болг. *морѣт*, с.-хорв. *мбр*, словен. *тбр*; **powětrъje*: русск. *поветрие, поветерье*, укр. *повітра*, блр. *навётра*, польск. *powietrze*.

Слово *пбшесть*, будучи, несомненно, архаичным по своей структуре, отмечено только в польском, украинском, белорусском языках и в псковском говоре русского языка. Следует отметить наличие в псковских говорах целого ряда древних лексических сопереживаний с польским (ср. хотя бы *bedlka* — *блицы*). Русск. пск. *пбшесть*, блр. *пбшесць*, укр. *пошесть*, польск. *posześć* и другой словообразовательный вариант того же слова — *poszedło*.

Наименования эпидемий *пбмха, пошава, пошатка* соответствий в других славянских языках не имеют, да и в пределах русского языка они ограничены определенным ареалом: *пбмха, памха* — все севернорусские говоры и говоры среднего Поволжья; *пошава, пошова* — новгородско-тверские говоры и говоры б. Оло-

⁵ Мельниченко, стр. 41.

⁶ Даль² II, стр. 446.

нецкой губ., в основном заселенной новгородцами; *пошатка* — ярославский диалектизм.

Следует сказать еще об одном местном образовании — *припадок*. *Припа́дуть* значит 'хворать, хилеть, болеть' (ср. *пасть* 'око-леть'), а *припадок* 'болезнь', 'беда, несчастье': «Иаму́ фс'о как'ийь-п'ибу́ц' пр'ипа́тк'и: фс'у́ з'иму́ пр'хвар'эл...»⁷

III. 'болезни, возникающие в результате злого умысла': *нарок, урок, сглаз, оговор, озев, озеп, озык, призор, прикос, притка, приток, притча, приход, скорбь, порча, проказа*

В структурном отношении вся совокупность едина, это отглагольные имена, в большинстве своем бессуффиксальные или содержащие старый суффикс *-j(a)*: *притча, порча*. Любопытно упорное повторение глагольных префиксов *об-* и *при-*.

Эти слова легко распадаются на несколько семантических моделей, отражающих представление о магическом воздействии слова, взгляда и прикосновения.

'говорить, сказать' → 'болезнь': *урок, нарок, оговор, озев, озеп, озык*. Из них древнейшими являются производные от глагола **rekti*: *урок, нарок; озев, озеп, озык* построены по той же модели на местном материале: *озевать* (кого) 'сглазить, испортить', отсюда *озéва* (арх.), *озéв* (вост.), *озевище* (вят.) 'порча'; *озéпáть, озэпáть* 'сглазить' → *озéп, озепище* (яросл.) 'порча'; *озычатъ* 'оговорить' → *озык* (яросл.) 'оговор', *оговорить* (общерусск.) 'изурочить' → *оговор* 'порча' (арх. яросл.).

Глаголы *зевать, зепать* связаны с *зиять*, первоначально 'открывать рот, говорить'. Характерно, что первоначальный признак говорения, произнесения слов постепенно стирается, и указанные слова начинают обозначать 'болезнь в результате злого умысла вообще', независимо от того, каким образом этот злой умысел осуществляется.

'смотреть' → 'болезнь': *сглаз, призор*. *Сглаз* соотносится с выражением *с глазу, заболел с глазу* (предлог *с* в значении 'от', ср. *с голodu*); слово *призор* образовано от глагола **zrěti*, **prizrěti*, ср. укр. *призира́тися* 'всматриваться' → *призор* 'дурной, злой взгляд' и 'болезнь от такого взгляда'.

'касаться' → 'болезнь': *прикос*, м. б. *притка*

'портить, наносить вред' → 'болезнь': *порча, проказа*

Последние образования требуют некоторых дополнительных замечаний. О том, что прикосновение обладало магическим воздействием, есть многочисленные свидетельства. Прикосновение чудесным образом снимало болезнь: ср. в евангелии: Пришед в дом Петров, Иисус увидел тещу его, лежащую в горячке, и *коснулся* руки ее, и горячка оставила ее; и она встала и служила

⁷ В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Р. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963, стр. 256.

ему (Ев. от Матф., гл. 8, § 14, 15); Жители того места, узнавши его; послали во всю окрестность ту и принесли к нему всех больных, и просили его, чтобы только *прикоснуться* к краю одежды его; и которые *прикасались* исцелялись (Ев. от Матф., гл. 14, § 35, 36). Но прикосновение могло быть и иным, по выражению Иоанна экзарха болгарского: *Прикосъ* нечистъ бѣаше⁸. Отсюда архангельское и олонеккое *прикос*, *прикосина* 'урок, сглаз', *оприкосить* 'сглазить'⁹.

Очень широко в русских говорах распространено слово *прѣтка* (реже *прѣток*, *прѣтча*) 'неожиданная болезнь, припадок', 'болезнь как результат злого умысла, порча'. Словообразовательные связи с глаголом *тыкать* ясны, но семантические отношения требуют более пристального внимания. Глагол **tykati*, **tĕkŋoti* во всех славянских языках значит 'колоть, бить, толкать', приставочные образования от этого глагола очень многочисленны, но каждое характеризуется специфическим оттенком значения.

Глаголы **pritykati*, **pritĕkŋoti* значат 'прикасаться, прикоснуться, дотронуться'. Ср.: Взимае⁷ дыкакѡнъ звѣзду и трижды притыче⁷ своему блюду¹⁰, русск. К огню пальцем не *притыкайся!*, укр. *притикатися* 'прислониться, прижаться к чему', блр. *притыкаць* 'касаться, коснуться', *притыка́цца*, *приткнѹ́цца* 'прикоснуться'. Логично предположить, что первичным и простейшим значением отглагольного имени *прѣтка*, *прѣтча* должно было быть *'прикосновение', а затем 'болезнь в результате прикосновения'. Как уже говорилось выше, первичный признак легко стирается, и слова этого рода начинают обозначать 'болезнь в результате злого умысла вообще', таково значение этого слова в русском языке. Сопутствующим значением можно считать 'несчастье, несчастный случай', отраженное во всех восточнославянских языках: русск. *прѣтка*, *прѣтча*, укр. *прѣтка*, *притчина*, блр. *прѣтча*.

М. Фасмер предполагает несколько иной путь развития значения слова: 'случай, столкновение', 'несчастный случай' → 'болезнь'¹¹. Такой путь развития не исключен, но при условии, что значение глагола **pritykati* выводится из значения других приставочных образований: *наткнуться* 'натолкнуться', польск. *spotkać* 'встретить' и т. д.

Не исключена возможность, правда, в очень отдаленном прошлом, каких-либо аналогичных семантических нюансов у глагола *портить*. Высказанная Миклошичем мысль о производности отношений *пороть*—*портить* представляется наиболее убедительной. Первичным значением глагола **porti* было 'тыкать, колоть',

⁸ Срезневский II, стб. 1416.

⁹ Подвысоцкий, стр. 138; Куликовский, стр. 92.

¹⁰ Срезневский II, стб. 1484.

¹¹ Фасмер III, стр. 434—435.

ср. русск. *напорол ногу; бьт рогамн порет; блр. пороць 'толкать, колоть, указывать, шевелить'. Пальцем порнуе в око; порни под бок, нехай встанець; пальцем на мене порюць. Широко распространнвшееся значение 'разрезать шов' терминологично и, несомненно, возникло позднее. Связь *пороть*—*портить* могла лежать только в сфере 'колоть, тыкать' → 'наносить вред'. Польский язык представляет специфическое значение 'прорасть', что является развитием значения 'колоть' (ср. о ростках: *проклюнуться, прочкнуться* и пр.). В старославянских текстах *пъртити* значит 'тратить', что является сужением значения по сравнению с 'наносить вред'. В древнерусских текстах и в русских говорах глагол (и производные от него) и отглагольное имя распространены очень широко: *уже ли пропьеть* . . . въ безумии чюжь товаръ испорьтитъ, то како любо тѣмъ, чье то коуны (Русск. Пр.)¹²; Или что в законѣ их иконы и кнѣги, или иное что, по чему бга молять, того да не емлють, нѣ издеруть, нѣ испортятъ (Ярлык хана Менгу Тимура 1267 г.)¹³; по-видимому, в близком значении: Даже кто запъртити или тоу дань или се блюдо, да соудитъ юмоу бг въ днѣ пришьствиа своего (Грамм. 1130 г.)¹⁴. Во всех примерах речь идет о материальном ущербе. Появление значения у глагола *портить* 'наносить вред путем колдовства' следует отнести к древнерусской эпохе, особую активность это значение приобрело в русском языке: ср. укр. диал. *порча* 'недостаток', русск. *порча* 'насылание недуга колдунами'¹⁵, 'всякая болезнь, причину которой предполагают в колдовстве'¹⁶; иногда имеется в виду конкретный предмет, будто бы вызвавший болезнь: Нашли ведь *порчу*-то! В перине была зашита¹⁷. Примеры из древнерусских памятников многочисленны: И тотъ пирогъ онъ, Ивашко, ѣль и послѣ того онъ, Ивашко, почаль быть *порченъ* кликотною болѣзною и ломотою; и послѣ тое *порчи* онъ, Ивашко, жилъ года съ полтора и умре (1700 г.)¹⁸; От нечистоте и от *порчи* или черви и жабы выгнать из человекъа (1763 г.)¹⁹.*

Слово *проказа* интересно в нескольких аспектах. С первого взгляда оно не совсем подходит к перечисленным выше словам, поскольку является индивидуальным наименованием тяжелого заболевания берга. Так как эта болезнь сильно обезображивает человека, Фасмер этимологизирует слово *проказа* от *про-* и *ка-*

¹² Срезневский I, стб. 1140.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стб. 941.

¹⁵ Куликовский, стр. 89.

¹⁶ Мельниченко, стр. 159.

¹⁷ «Словарь современного русского литературного языка», т. 10. М.—Л., 1960, стб. 1428.

¹⁸ Н. Н. Новомбергский. Слово и дело государевы. — Зап. Моск. Археол. ин-та, т. XIV, 1911, стр. 27.

¹⁹ Лечебник № 1, гл. 35 (картотека ДРС).

зять 'уродовать'. Этимология верная и не вызывающая возражений. Но сама история слова представляется несколько иной. В русских говорах есть слово *проказа* 'шалость' и многочисленные производные от него, но нет слова *проказа* 'lepra'. Последнее является принадлежностью литературного языка.

Следует сказать, что во всех русских говорах для обозначения действия нанесения вреда материального и духовного употребляется глагол *портить*, глагол *казить* играет подчиненную роль. Напротив, в украинском языке глагол *казити* занимает первенствующее место и очень богат по своей семантике, он значит 'ломать, бить, разбивать, портить', *казитися* 'проказить, беситься, сходиться с ума', *казиння* 'беснование'. Другие славянские языки дают близкое значение этого глагола: польск. *kazić* 'уничтожать', кашуб. 'бить, разбивать', чеш. *kaziti*, словц. *kaziti* 'уничтожать', с.-хорв. *nakáziti* 'уродовать', словен. *kaziti* 'уничтожать, портить, проказить'. Праслав. **kaziti* имело, по видимому, значение 'портить, уничтожать, наносить материальный ущерб'. Таково же значение этого глагола и в древнейших памятниках: На утрѣи же день Изяславъ видивъ, оже Днѣпръ казится и рече к мужемъ своимъ (Ип. лет. 6656 г.); Мѣдяна секира-отъ суха древа сама ся кажить (Кир. Тур. Пис.)²⁰. В этих примерах речь идет о материальной порче. Производное слово *проказа* обладало несколькими значениями, непосредственно вытекающими из значения глагола: 'уничтожение' (ср. *чезнуть* 'исчезать, уничтожаться', к которому *казить* является каузативным образованием); 'вред, проступок, преступление, нанесение ущерба'; 'нанесение ущерба путем колдовства' (в этом случае слово *проказа* заменяет слово *волхование* и служит переводом слову *μαγεία*). Таким образом, слово *проказа* во всех своих значениях синонимично слову *порча*. В смысле 'вред, ущерб материальный' слово *проказа* употребляется в Договоре Олега с греками (911 г.) и в Договоре Игоря с греками (945 г.). Многочисленные производные указывают на значение 'злой умысел': *проказьньство* 'козни', *проказство* 'лукавство, коварство', *проказьньство* то же, *проказивый* 'коварный, лукавый', *проказовати* 'злоумышлять'. Отсюда становится ясным развитие у слова *проказа* в русском языке значения 'шалость' (не всегда невинного свойства, ср. *шалить* 'грабить на дорогах', ср.: Сердце мое чует: это разбойники-шиши проказят! — Загоскин, Юрий Милославский).

Возникновение же у слова *проказа* значения 'порча путем колдовства' позволило развиваться семантике слова в ином направлении (очень любопытно, что образование от родственного глагола *исчазъ*, *исчезъ* означало 'доведение себя до экстаза'). Памятники, где слово *проказа*, *проказение* значат 'колдовство',

²⁰ Срезневский I, стб. 1176.

принадлежат старославянскому языку. Русские говоры дают близкие, но не адекватные значения: *проказѣть* 'ругаться бранными словами и обидными прозвищами'²¹, *каженка*, *каженец* 'испорченный человек, сглаженный или озеванный, на кого напущена злым знахарем порча, сумасшествие, припадки'²². От значения 'колдовство, порча' легко развивалось значение 'болезнь', ср. с.-хорв. *прѣказа* 'водянка' (ср. одно из значений польск. *kazić* 'заражаться, сходить с ума').

Болезнь *lepra* появилась в Европе после крестовых походов, она была привезена из Азии. В евангельском тексте многократно упоминаются прокаженные и проказа, но, судя по тексту, речь идет о несколько ином, хотя тоже очень тяжелом, заболевании кожи, по-видимому, являвшемся бытовым явлением в Малой Азии. Об этом говорит и значение слова *λεπρα* 'шелушащаяся' и многократно описываемое очищение от проказы: И вот подошел *прокаженный* и, кланяясь ему, сказал: господи! если хочешь, можешь меня очистить. Иисус, простерши руку, коснулся его и сказал: хочу, очистишься. И он тотчас очистился от *проказы* (Ев. от Матф., гл. 8, § 2, 3). Даль определяет это заболевание так: «. . . злокачественный лишай, переходящий в гнойные язвы, отчасти и поныне известный на востоке»²³. При переводе священного писания славянские переводчики вынуждены были каким-то образом передать, обозначить неизвестную им болезнь. Поскольку эта болезнь чудесным образом исцелялась, можно было предположить, что она аналогична порче, и переводчики передали это понятие словом *проказа* 'порча, болезнь в результате колдовства'. Евангельский текст был основой всей церковной литературы, отсюда многочисленные и производные образования и переносные значения слова *проказа*.

Вместе с церковнославянской литературой проникло и в русский литературный язык слово *проказа* 'lepra'. Слияние церковнославянской и русской народной струи в одном литературном языке и привело к сосуществованию двух таких резко контрастных по значению слов: *проказа* 'шалость' и *проказа* 'lepra'.

Мне хотелось бы еще остановиться на некоторых словах, которые нуждаются в этимологическом уточнении.

Праслав. **vol'e* 'вздутие, зоб' представлено во всех трех группах славянских языков. Этимологические словари обычно приводят польск. *wole* 'зоб', *wól* то же, чеш. *vole* 'зоб', с.-хорв. *воља*, укр. *воло* 'зоб', блр. *во́ле* 'зоб на шее, зоб у птицы'.

При этом игнорируются русские образования: олонеч. *воль* 'опухоль, нарыв'²⁴, зафиксированное в памятниках новгород.

²¹ Мельниченко, стр. 167.

²² Даль² II, стр. 74.

²³ Даль² III, стр. 497.

²⁴ Куликовский, стр. 11.

воль 'опухоль' («Купилъ ти^хвинецъ Михало Калгани^н. . . меринъ сѣръ грива налево на лѣво^н стороны на брюхе *воль*»²⁵). Таким образом, перед нами, по-видимому, древний новгородский диалектизм *воль* 'опухоль', абсолютно совпадающий структурно с польск. *wól* 'зоб'. Своеобразие значения слова не противоречит возможности происхождения из общего источника, и зоб и опухоль могут быть восприняты как нечто вздувшееся.

Несмотря на сомнения Фасмера, возможно, что к этой же группе слов относится русск. *волдырь* 'шишка, опухоль на теле от ушиба'; 'нарыв, гнойный пузырь, нарост, водяной пузырь' (Даль): Лопнул как *волдырь* на воде! Эту форму можно рассматривать как суффиксальное образование того же корня **vol-yrъ* (по типу *пулырь*, *пузырь*) со вставным звуком *д*. Этот паразитический звук появляется в русском языке как правило между сонорным или звонким свистящим и гласным (ср. *брыневеть* и *брындеветь*, *ландыш* < **ланыш*, *возырать* и *воздырать* и т. д.). Мысль о связи слова *волдырь* с группой слов в значении 'зоб' высказывал еще Г. Ильинский. Махек связывает праслав. **vol'e* 'зоб' с нем. *schwellen* 'пухнуть' (др.-в.-нем. *swellan*), *Wulst*, *Schwulst* 'опухоль', корень *(*s*)*vel-* 'надуваться'²⁶.

Думается, что для праславянского можно реконструировать три парадигматических варианта: **vol'a*, **volъ* и **vol'e*.

Может быть, к этой же группе слов можно отнести слова с корнем **val-*, ср. *обвал* 'опухоль на шее'²⁷, *свалок* 'всякий болезненный нарост на теле'²⁸, *вализна* 'воспаление подкожной жирной клетчатки *phlegmonia*'²⁹. Я не берусь в этом случае делать далеко идущие выводы, как это делает Грубор в своей статье³⁰, но во всяком случае близость значений этих образований наталкивает на размышления.

Привлекает внимание русское диалектное (новгородское и рязанское) название мозоли *болозень*, чаще *бблосни*, *бблусни* «мозоль сухая или кровяная, набитая обувью или работою на руках»³¹. Бернекер сопоставлял это слово с *болозно* 'поперечная доска в саях', Торбьернссон — с др.-инд. *bārjahas* 'вымя'. Фасмер справедливо подвергает сомнению оба сравнения, но своей этимологии не выдвигает³². Шахматов в своем капитальном труде об истории

²⁵ Таможенные книги Тихвина монастыря (1666 г.). — Рукопись ЛОИИ № 3 (цит. по картотеке ДРС).

²⁶ М а с х е к, стр. 572.

²⁷ А. И. И в а н о в а, М. А. К у с т а р е в а, Б. А. М о и с е е в. Материалы для «Смоленского областного словаря». — «Уч. зап. Смол. ГПИ», 1958, вып. 9, стр. 142.

²⁸ П о д в ы с о ц к и й, стр. 153.

²⁹ М. К. Г е р а с и м о в. Материалы лексикографические по новгородским говорам. Слова череповецкие. — Ж. Ст., 1898, вып. III—IV, стр. 161.

³⁰ Б. Г р у б о р. Этимологије. Вѣље, вѣ, вѣлаше (сукна), вѣлача. — ЈФ VIII. Београд, 1928—1929, стр. 13—37.

³¹ К у л и к о в с к и й, стр. 5; Опыт, стр. 12; Д а л ь² I, стр. 275.

³² Ф а с м е р I, стр. 188.

звук русского языка считает слово *блѡзни* примером второго полногласия, выводит его из **bъlzni* и сравнивает со словен. *bôlzen, bôlzni* 'трещина, щель'³³. Ф. Безлай считает словенское слово вариантом общеславянского слова **blizna* 'шрам, рубец, брак в ткани'³⁴. Русск. *близна*, диал. *блюзна* 'шрам, рубец, рана, разрыв нити в ткани', укр. *близна* 'рана', блр. *блюзна*, болг. *близна*, с.-хорв. *блѣзна* 'брак в ткани', в.-луж. *blizna* 'рубец', н.-луж. *blizna* 'рубец'.

Таким образом, на праславянском уровне мы имеем два варианта: **blizna* 'шрам, рана, рубец', 'разрыв нити в ткани', **bъlzнь* (< *bъzнь*) 'трещина', 'мозоль' (последний только в русском и словенском).

Дальнейшие сопоставления не противоречат привлечению русского слова. Ср. лит. *blaiziti* 'давить, сжимать' и название мозоли *нажим*, лат. *fligere* 'бить' и выражение *набить мозоли*³⁵.

Среди многочисленных названий лихорадки выделяется своей непонятностью слово *ѹсма* (арх.)³⁶. Фасмер считает слово неясным, в других славянских языках аналогичные образования отсутствуют.

Близкие по звучанию общеслав. **usmь, *usnъje, *usnъjĕn* 'дубленая кожа', 'кожаный' не помогают объяснить русское слово. С другой стороны, выход за пределы славянских языков позволяет связать слово *усма* с греч. εὔω (**eus-ō*) 'жечь', лат. *ūrō, ussī, ustum, urere* 'жечь', др.-инд. *ōṣati* 'жжет', *uṣṇah* 'горящий, горячий', др.-исл. *usli* 'огонь'. Того же корня алб. *eđe (ethe) f.* 'лихорадка'³⁷, что делает этимологию русского слова еще более вероятной. Названия лихорадки в других индоевропейских языках устойчиво повторяют признак 'горячка', ср. лат. *febris* 'малярия, лихорадка', которую производят из и.-е. **dhegʷh-* 'жечь', лит. *kařštis* 'горячка' при *kārřtas* 'горячий', с.-хорв. *vrùćica*³⁸ и др.

* * *

Кто-то из фармакологов справедливо заметил, что нет такого растения, которое бы человечество не испробовало как лекарственное. Современные фармакопеи включают около ста растений, в народной медицине используется значительно большее число. В этих условиях основываться на внеязыковом материале нера-

³³ А. А. Шахматов. К истории звуков русского языка. — ИОРЯС, т. VII, кн. 1. СПб., 1902, стр. 298.

³⁴ Ф. Везлај. Etimološki slovar slovenskega jezika (рукопись первого выпуска).

³⁵ Фасмер I, стр. 175; Георгнев, св. 1, стр. 56.

³⁶ Подвысоцкий, стр. 179.

³⁷ Роконну, стр. 347—348.

³⁸ Sławski I, стр. 319.

ционально. Поэтому я буду говорить лишь о тех растениях, в названиях которых отражено их использование с медицинской целью.

Наименования лекарственных растений тесно связаны с названиями болезней. Эта группа слов производна и словообразовательно, и семантически. Для понимания подавляющего большинства названий лекарственных растений достаточно осознания вторичности образования и особенностей структуры. Наименования как правило двусоставны. Один из компонентов — слово *трава* (реже *корень*), второй компонент словосочетания — имя прилагательное, образованное от наименования болезни. Ср. семантику прилагательных, входящих в названия лекарств: *сердечные капли*, *желудочные средства* (т. е. употребляемые от заболеваний сердца, желудка и пр.).

Если в отрыве от наименований болезней такие названия не всегда прозрачны, то в сопоставлении с ними они совершенно ясны и не требуют этимологического комментария.

лихорадка — *лихорадочная трава*

грыжа — *грыжняя трава*

родимец — *родимцевая трава*

золотуха — *золотушная трава*

жаба — *жабная трава*

урок — *урочная трава*

нарок — *нарочная трава*

призор — *призорная трава*

притка — *приточная трава*

ураз — *уразная трава*

ускоп — *ускопная трава*

усов — *усовная трава*

запор — *запорная трава*

икота — *икотная трава*

увек — *увечная трава*

ломота — *ломотная трава*

прострел — *прострельная трава* и мн. др.

Эти отношения кажутся самоочевидными, но тем не менее отсутствие одного из компонентов в литературном языке иногда приводит к недоразумениям. Так, например, в словаре современного русского литературного языка *приточная трава* носит ударение *притб́чная* и включена в статью *притб́ж* 'река, впадающая в большую реку'.

В указанную модель (*ураз* — *уразная трава*) иногда включаются магические числа: *три*, *семь*, *девять*, *сорок*. Я имею в виду такие образования, как *сорокоприточная трава*, *сороконедужная трава*, т. е. исцеляющая от сорока приток или недугов, *семигрыжняя* и т. д.

Второй способ образования наименований лекарственных растений — суффиксальный. От наименования болезни образуется производное слово, чаще всего оно сосуществует с названием-словосочетанием.

грыжа — *грыжняя трава* — *грыжница*

перелой — *перелойная трава* — *перелойка*

ураз — *уразная трава* — *уразица* и т. д.

Но возможны случаи, когда среднее звено отсутствует:

короста — короставник
свербеж — свербежник
дна — донник
золотуха — золотушник

вывих — вывишник
жолуница — жолуничник
чирей — чирейник
язва — язвенник и мн. др.

Образования этого типа в целом ряде случаев представляют некоторые сложности для анализа, они требуют точного знания всех названий болезней. Если неизвестно, что *жолуница* это 'болезнь-желтуха', название растения *жолуничник* представляется темным. Есть случаи, когда название болезни или утрачено, или сохранилось в иной форме, ср. *белолёйка* 'название растения' при отсутствии слова **белолёй*, *аплочная трава* предполагает форму **оплек*, *аткасник* (*откосник*), несомненно, связано с наименованием *прикбс* (растение *откосник* употребляется от порчи), но отношения не прямые. Иногда словообразовательная связь не непосредственна: *сухота* 'туберкулез', *сушеница* 'растение, употребляемое от туберкулеза'.

Сделанные заметки следует рассматривать не как итог, а как некоторые наметки будущей работы. Только полный и тщательный анализ всех наименований болезней и связанных с ними названий растений может дать определенные выводы.